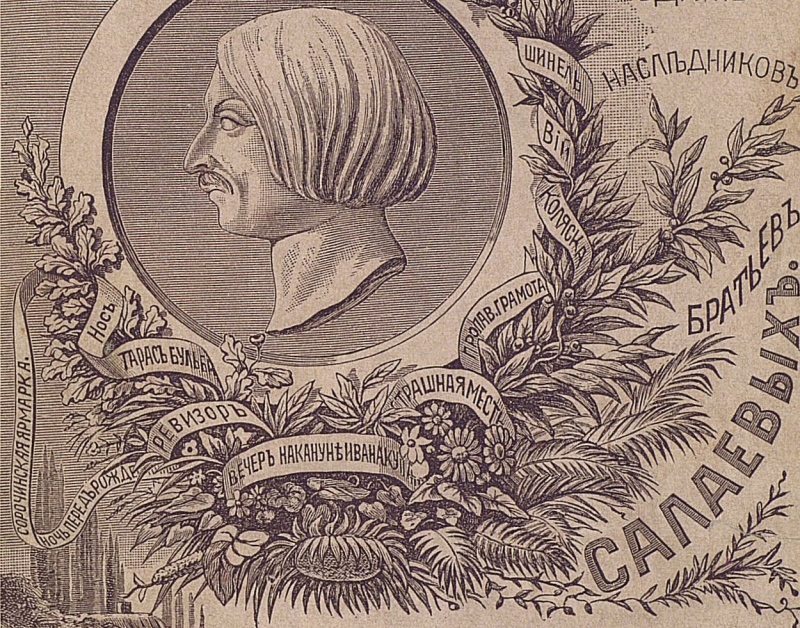

Н. Гоголь

НАРОДНОЕ
ИЗДАНИЕ

СТРАШНАЯ МѢСТЬ.

МОСКВА.

Цѣна 20 коп.

24
682 Н. Гоголь.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

НАРОДНОЕ ИЗДАНИЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ

1502-0
БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРА

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа
Арбатъ, домъ Платонова.

1887.

Дозволено цензурою. Москва, 18-го ноября 1886 года

2007085100

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

умить, гремитъ конецъ Кіева: есаулъ Горобецъ празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости. Встарину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ Микита прямо съ разгульной попойки съ Перешляя поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула Данило Бурульбашъ, съ другого берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивилися гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ и исподницѣ изъ голубого полутабенку *), сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Заднѣпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и

*) Старинная шелковая матерія.

не рассказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церковей Христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ коровай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, на время притихнувъ, положили возлѣ себя цымбалы, скрипки и бубны. Между тѣмъ молодежи и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ; а паробки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу, — какъ старый есаулъ вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Вареоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есаулъ готовился сказать краткую молитву... какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и все показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ казака. Кто онъ таковъ — никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ, запрыгали зеленые очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ — старикъ.

— Это онъ! это онъ! кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

— Колдунъ показался снова! кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ.

Величаво и сановито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: — Пропади, образъ сатаны, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста! и, зашипѣвъ и шелкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропаль чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

— Что это за колдунъ? спрашивали молодые и небывалые люди.

— Бѣда будетъ! говорили старые, качая головами. — И вездѣ, по всему подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разное, и навѣрно никто не могъ рассказать про него.

На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина; все повеселѣло снова: музыканты грянули, дѣвчата, молодицы, лихое казачество, въ яркихъ жупанахъ*), понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело восвояси: много осталось ночевать у есаула на широкомъ дворѣ; а еще больше казачества заснуло, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва; гдѣ похмѣлилась съ хмеля казацкая голова, тамъ и лежится и храпитъ на весь Кіевъ.

*) Кафтанъ польскаго покрою.

II.

ихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяць показался изъ-за горы. Будто Дамасскою дорождю и бѣлоу, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чашу сосенъ.

Посреди Днѣпра плылъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: черныя казацкія шапки набекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поютъ казаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украинѣ ксендзы и перекрещиваютъ казацкій народъ въ католиковъ; ни о томъ, какъ два дня билась при Соленомъ озерѣ Орда? Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла: панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ,— не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга,— не луга: то зеленый поясъ, препоясавшій посре-

динѣ круглое небо, и въ верхней половинѣ и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою. — Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина вдалася въ печаль?

— Я не въ печаль вдалася, панъ мой Данило! Меня устроили чудные рассказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти рассказы, говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко изъ-за лѣса, чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала поднимался старый замокъ. Надъ бровями вдругъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. — Не такъ еще страшно то, что колдунъ, говорилъ онъ, — какъ страшно то, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однакожъ думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото...

Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ — это кладбище! тутъ гниютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою, и съ ободранными жупанами. Если жъ у него точно есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть...

— Знаю, что затѣваешь ты: не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышешь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!..

— Молчи, баба! съ сердцемъ сказалъ Данило, — съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку! *) Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана. — Пугаетъ меня колдуномъ! продолжалъ панъ Данило. — Казакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксендзовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ; не такъ ли, хлопцы? наша жена — люлька, да острая сабля!

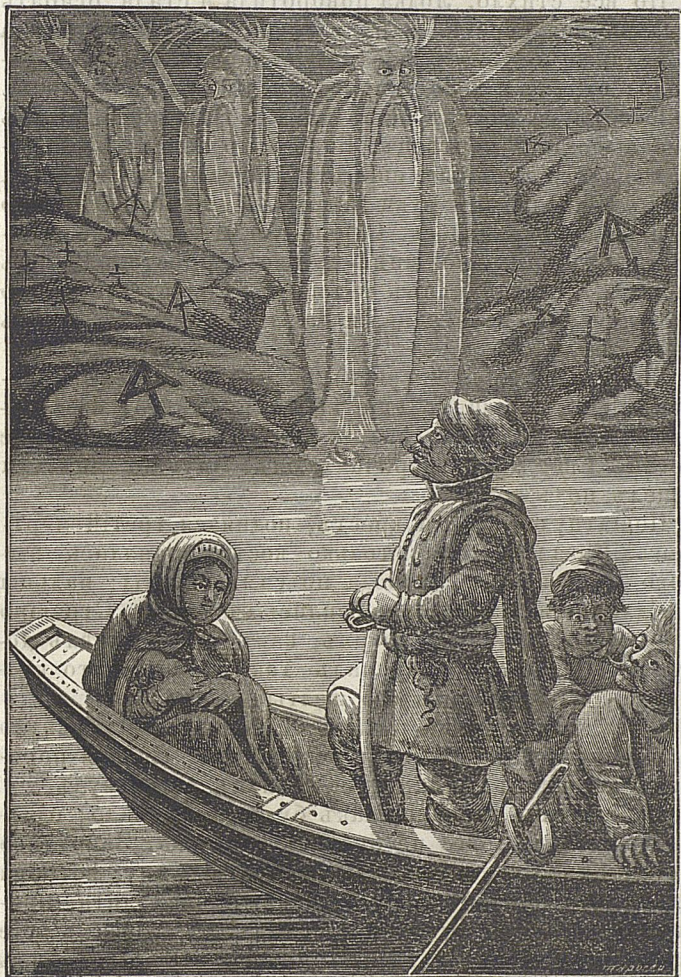
Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду, а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть среди ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу видѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ межъ ними, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины.

— Слышите ли, хлопцы, крики! Кто-то зоветъ насъ на помощь! сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

— Мы слышимъ крики, и, кажется, съ той стороны, разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

*) Трубка.

Но все стихло. Лодка поворотила и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижимо уставили очи. Остановился и панъ Данило; страхъ и холодъ прорѣзался въ казацкія жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднятъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. «Душно мнѣ! душно!» простоналъ онъ дикимъ, нечеловѣчимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю.

Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго; весь заросъ: борода по колѣна, и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: «душно мнѣ!» и ушелъ подъ землю.

Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ будто хотѣлъ достать мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости...

Дитя, спавшее на рукахъ Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однакожъ хлопцы долго не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугъ качала на рукахъ кричавшее дитя, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ. — «Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ! говорилъ онъ, указывая по сторонамъ: — это колдунъ хочетъ

устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!»

При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: — Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ? Нѣтъ, говори: — тятя, я казакъ. Полно же, перестань плакать! домой прїѣдемъ! прїѣдемъ домой — мать накормитъ кашею; положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люлі, люлі, люлі!

Люлі, сынку, люлі!

Да вырастай, вырастай въ забаву!

Казачеству на славу,

Вороженькамъ на расправу!

— Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Прїѣхаль угрюмый, суровый, какъ будто сердится... Ну, недоволенъ — зачѣмъ и прїѣзжать. Не хотѣлъ выпить за казацкую волю! не покачалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердцѣ, да не берется что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не казацкое сердце! Казацкія сердца когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди на встрѣчу другъ другу! Что, мои любимые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я дамъ вамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ; я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и прїѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскія хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного казака.

III.

Уторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинь, сбѣгающей къ Днѣпру. Невысокія у него хоромы; хата на видъ — какъ и у простыхъ казаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки; густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы; есть межъ ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные въ золото, дарственные и добытыя на войнѣ; ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; немало за то и вызубрены; глядя на нихъ, панъ Данило какъ будто по значкамъ припоминалъ свои схватки. Подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька; во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило, на лежанкѣ старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу пѣкотомъ ночуютъ молодцы. Но казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна; онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись среди ночи, на высокое, засѣянное звѣз-

дами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, принесшаго свѣжесть казацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбашъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ, и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ.

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлкою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ спрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

— Про эти дѣла, тестъ, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся! говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла; можетъ, въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ, — я не знаю.

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули. — Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой! бормоталъ онъ про себя. — Ну, я тебя спрашиваю, гдѣ таскался до поздней ночи?

— А вотъ это дѣло, дорогой тестъ! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пеленаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ, умѣю держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣю... умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю.

— Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло.

— Думай себѣ, что хочешь, сказалъ Данило, — думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру

православную и отчизну не такъ, какъ иные бродяги таскаются, Богъ знаетъ, гдѣ, когда православные быются на смерть, а послѣ нагрянуть убирать не ими засѣянное жито; на уніатовъ даже не похожи, не заглянуть въ Божию церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются.

— Э, казакъ! знаешь ли ты... я плохо стрѣляю: всего за сто сажень пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мельче крупъ, изъ которыхъ варять кашу.

— Я готовъ, сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ будто зная, на что ее выточилъ.

— Данило! закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней, — вспомни, безумный, погляди, на кого ты поднимаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!

— Жена! крикнулъ грозно панъ Данило, — ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!

Сабли страшно звякнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, осыпали себя казаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились казаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему тѣлу слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. «Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключомъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый; а я лежу здѣсь!» И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились казаки; ни тотъ, ни другой не одолеваетъ. Вотъ наступаетъ Катерининъ

отецъ — подается панъ Данило; наступаетъ панъ Данило — подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! сабли звенять... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

— Благодарю тебя, Боже! сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что казаки взялись за мушкеты; поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило, — не попалъ. Нацѣлился отецъ... онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однакожъ не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ казацкаго жупана.

— Нѣтъ! закричалъ онъ: — я не продамъ такъ дешево себя; не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ; слѣзай со стѣны, старый товарищ! покажи другу услугу! Данило протянулъ руку.

— Данило! закричала въ отчаяніи, схвативши его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина: — не за себя молю, мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ будетъ мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его! Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-казацки? Пропадай, сынъ мой! пропадай! тебя не хочетъ знать отецъ твой! гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое. О, я теперь знаю тебя! ты звѣрь, а не человѣкъ! у тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя есть капля жалости, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась! Тебѣ это радость принесетъ; твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услы-

шатъ, какъ нечестивые звѣри — ляхи кинуть въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздуть шапкою огонь, взвирившійся подъ нимъ!

— Пой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иванъ, поцѣлуй тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего; ты вырастешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ казаками, съ бархатною шапкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее межъ нами! Чтѣ сдѣлалъ передъ тобою неправого — винюсь. Что же ты не даешь руки? говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

— Отецъ! вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его, — не будь неумолимъ, прости Данилу: онъ не огорчитъ больше тебя!

— Для тебя только, моя дочь, прощаю! отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснувъ страшно очами.

Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцѣлуй, и страшный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненую свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-казацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

леснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна. — Мужъ мой милый, мужъ дорогой, чудный мнѣ сонъ снился!

— Какой сонъ, моя любая пани Катерина?

— Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто наяву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но, прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если бъ ты слышала, что онъ говорилъ...

— Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?

— Говорилъ: «Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дурень: я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами!» Тутъ навелъ онъ на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась.

— Да, сны много говорятъ правды. Однакожь знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно; чуть ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобецъ прислалъ сказать, чтобъ я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣ-

ковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ *батоговъ* *).

— А отецъ знаетъ объ этомъ?

— Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! Я до сихъ поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Чтò жъ, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хотъ бы разъ развеселился, какъ добрый казакъ? Не захотѣлъ выпить меду! слышишь, Катерина, не захотѣлъ выпить меду, который я вытрусилъ у брестовскихъ жидовъ. Эй, хлопецъ! крикнулъ панъ Данило, — бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! *Горьлки* **) даже не пьеть! экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А какъ тебѣ кажется?

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!

— Чудно, пани? продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ казака, — поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?

— Попробовалъ только, панъ!

— Лжешь, собачій сынъ! вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, казаки! чтò за лихой народъ! все отдать готовъ товарищу, а хмельное высушить самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ — а?

— Вотъ давно! а въ прошедшій...

— Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игумень лѣзетъ въ дверь! проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

— А что жъ это, моя дочь! сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на кото-

*) Кнута. **) Водки.

ромъ висѣла сабля съ чудными каменьями: — солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ.

— Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками! сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду. — Постой, лучше я сама выну, продолжала Катерина, а ты позови хлопцевъ.

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять наивѣрнѣйшихъ молодыхъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

— Не люблю я этихъ галушекъ! сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку: — никакого вкуса нѣтъ!

— Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша, подумалъ про себя Данило. — Отчего же, тестъ, продолжалъ онъ вслухъ, — ты говоришь, что вкусу нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается ѣсть такія; а брезгать ими нечего: это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки.

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами.

— Я не люблю свинины! сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

— Для чего же не любить свинины? сказалъ Данило: — одни турки и жида не ѣдятъ свинины.

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ вмѣсто водки изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ казацкое войско; а пани Катерина

начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо; но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любитъ панъ Данило — глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это вѣрно показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибрежными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ замкѣ снова какъ будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнулъ Данило, и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ. — Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!

— Ты идешь? спросила пани Катерина.

— Иду, жена. Нужно посмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ.

— Мнѣ однакожъ страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ, — такъ это происходило живо.

— Съ тобою старуха останется; а въ сѣняхъ и на дворѣ спать казаки!

— Старуха спитъ уже, а казакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнату, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а казаки пусть лягутъ передъ дверями.

— Пусть будетъ такъ! сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей казачьей сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и, промежъ спавшими своими казаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ съ двумя пистолетами, съ саблею на боку, спускался съ горы. — Это тестъ! проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста. — Зачѣмъ и куда ему идти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ...» Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и повернулъ къ выдававшемуся мысу. — А! вотъ куда! сказалъ панъ Данило. — Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?

— Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы видѣли бы его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ подлѣ замка.

— Постой же, выдѣземъ, а потомъ и пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный.

Уже мельнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдававшемся берегу; вотъ уже ихъ не видно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ казаки и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни

дверей не видно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки.

— Что я думаю долго! сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: стой тутъ, малый! я полѣзу на дубъ: съ него прямо можно глядѣть въ окошко.

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобы не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самага окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ.

Въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь; входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. — Это онъ, это тестъ! Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотреть ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть — и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только несмѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотого переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ, и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки;

за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не русскою и не польскою грамотою. Глянулъ въ лицо — и лицо стало перемѣняться; носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами, ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изъ рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. «Правдивъ сонъ твой, Катерина!» подумалъ Бурульбашъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ, и вдругъ пропалъ, и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блещитъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо, и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ шупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое,

какъ будто облако, вѣяло посреди хаты, и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она — изъ воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы выются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... — Ахъ! это Катерина! Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. — Гдѣ ты была? спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

— О, зачѣмъ ты меня вызвалъ? тихо простонала она. — Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ: и полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша и огородъ! О, какъ обняла меня добрая моя мать! Какая любовь у нея въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ! тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи: — зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. — Развѣ я тебя просилъ говорить про это? и воздушная красавица задрожала. — Гдѣ теперь *пани* твоя?

— Пани моя Катерина теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать; мнѣ вдругъ сдѣлалось пят-

Возвращаясь к своему задуманному; но уже начался

надцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?

— Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера? спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

— Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она много не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея.

«Это Катеринина душа», подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

— Покайся, отецъ! не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы поднимаются изъ могилъ?

— Ты опять за старое! грозно прервалъ колдунъ; — я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина, полюби меня!...

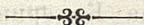
— О, ты чудовище, а не отецъ мой! простонала она; — нѣтъ, не будетъ по твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставить ее дѣлать то, что ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ! близко страшный судъ! Если бы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любимому, вѣрному мужу; если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и не вѣрныхъ душъ.

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

— Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь? закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала; но уже панъ Да-

нило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. «Страшно, страшно!» говорилъ онъ про себя, почувствовавъ какую-то робость въ казацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ также крѣпко спали казаки, кромѣ одного, сидѣвшаго насторожѣ и кутившаго люльку. Небо все было засѣяно звѣздами.

V.

Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня! говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго предъ нею мужа: — какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! какъ тяжело дышала грудь моя! ухъ!... Мнѣ казалось, что я умираю...

— Какой же сонъ? ужъ не этотъ-ли? и сталъ Бурлубашъ рассказывать женѣ своей все имъ видѣнное.

— Ты какъ это узналъ, мой мужъ? спросила, изумившись, Катерина. — Но нѣтъ, многое мнѣ не извѣстно изъ того, что ты рассказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобъ отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ; нѣтъ, Данило, ты не такъ рассказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!

— И не диво, что тебѣ многое не видѣлось! ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа; знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игуменъ Братскаго мо-

настыря (онъ, жена, святой человѣкъ!), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка, а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца; если бъ я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ.

— Данило! сказала Катерина, закрывъ лицо руками и рыдая: — я ли виновна въ чемъ предъ тобою? я ли измѣнила тебѣ, мой любимый мужъ? чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? невѣрно развѣ служила тебѣ? сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки! тебѣ ли не родила черноброваго сына?...

— Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что! грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ.

— Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! пропадай онъ, тони онъ — не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы — не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила за тремя замками сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзные цѣпи, а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его замокъ, и алая, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ — имъ судія Богъ; сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной русской земли — продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему, а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою; можетъ быть онъ уже и кается предъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху предъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпами, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, не памятозлобна, какъ голубка, не умилосердится ли надъ отцомъ... Но никого нѣтъ; внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ: пониже ея гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ

дѣла: онъ бушуетъ, и унывно слышать колоднику
однозвучный шумъ его.

— Вотъ кто-то показался по дорогѣ — это казакъ!
И тяжело вздохнулъ узникъ; опять все пусто; вотъ

кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый *кун-
тушъ* *)... горитъ на головѣ золотой *корабликъ* **).

*) Верхнее платье.

**) Головной уборъ.

Это она! Еще ближе прикинулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

— Катерина! дочь! умилосьрдися, подай милостыню!..

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не навела на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его; уже и вечеръ; свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки; вѣрно, гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина.

— Дочь, Христа ради! и свирѣпые волченята не станутъ рвать свою мать, — дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!

Она не слушаетъ и идетъ.

— Дочь, ради несчастной матери!...

Она остановилась.

— Приди принять послѣднее мое слово!

— Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?

— Катерина! мнѣ близокъ конецъ: — я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а можетъ еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...

— Да развѣ есть на свѣтѣ казнь равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее: никто не станетъ просить за тебя.

— Катерина! меня не казнь, страшить, но муки

на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина, душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронить, ни вѣтеръ не пахнетъ...

— Этой казни я не властна умалить, сказала Катерина, отвернувшись.

— Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу; ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ. Слышала ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшный человѣкъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ.

— Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу? сказала Катерина; — мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?

— Если бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ; покаюсь: пойду въ пещеры, надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу; не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! не постелю одежды, когда стану спать! и все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хоть сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду.

Задумалась Катерина. «Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей».

— Я не боюсь цѣней, началъ онъ: — ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ; я напустилъ имъ въ глаза туманъ, и вмѣсто руки, протянулъ сухое дерево; вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи! сказалъ онъ, выходя на середину: — я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и про-

шелъ бы сквозь ихъ, но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывести колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю.

— Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманешь? сказала Катерина, остановившись передъ дверью; — и вмѣсто того, чтобы покаяться, будешь опять братомъ чорта?

— Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ самъ себя на вѣчную муку?

Замки загремѣли. — Прощай! храни тебя Богъ милосердый, дитя мое! сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

— Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!.. говорила Катерина.

Но его уже не было.

«Я выпустила его», сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны: «что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала, мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!» и, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ. «Но спасла душу», сказала она тихо: «я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! Кто-то идетъ! это онъ! мужъ!» вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

то я, моя родная дочь! Это я, мое *серденько*! *)
услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла
передъ собою старую прислужницу. Баба, на-
клонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ
надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее
холодною водою.

— Гдѣ я? говорила Катерина, подымаясь и огля-
дываясь: — передо мною шумить Днѣпръ, за мною
горы... Куда завела меня ты, баба?

— Я тебя не завела, а вывела; вынесла на ру-
кахъ моихъ изъ душнаго подвала: замкнула ключи-
комъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана
Данила.

— Гдѣ же ключъ? сказала Катерина, поглядывая
на свой поясъ. — Я его не вижу.

— Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на кол-
дуна, дитя мое.

— Поглядѣть?... Баба, я пропала! вскрикнула
Катерина.

— Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое!
Молчи только, моя панночка, никто ничего не узнаетъ!

— Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слы-
шала, Катерина, онъ убѣжалъ? сказалъ панъ Да-
нило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь;
сабля, звеня, тряслась на боку его. Помертвѣла жена.

*) Сердце.

— Его выпустилъ кто-нибудь, мой любый мужъ, проговорила она дрожа.

— Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди, вмѣсто его, бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится казачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ казаковъ, и я бы узналъ... то бы и казни ему не нашелъ!

— А если бы я?.. невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

— Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой срединѣ Днѣпра!..

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались лахи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, вѣрно, на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли. Паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями, и важно крутятъ усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзъ вмѣстѣ; только и ксендзъ у нихъ на ихъ же стать; и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа: пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!.. Паны бѣснуются и отпускаютъ шутики: хватаютъ за бороду жида, маляютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской землѣ и отъ татаръ: видно уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данилы, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Идѣть панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

— Что-то грустно мнѣ, жена! сказалъ панъ Данило: — и голова болить у меня, и сердце болить; какъ-то тяжко мнѣ! видно гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя.

«О, мой ненаглядный мужъ! приинки ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы», подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

— Слушай, жена моя! сказалъ Данило: — не оставляй сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастья, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей! — Чтѣ говоришь ты, мужъ мой? не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? а теперь самъ говоришь, какъ слабая жена; тебѣ еще долго нужно жить.

— Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава

нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ будто передъ очами моими проходятъ теперь казацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестя въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить гетманъ — и все стало, какъ вкопанное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ воспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если бы ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донинѣ рубецъ; четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! дорогіе каменья шапками черпали казаки; какихъ коней, Катерина, если бъ ты знала, какихъ коней мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ, а мечъ казакій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украинѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми; шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию; жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О время, время! минувшее время! куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль меду! выпью за прежнюю долю и за давніе годы! — Чѣмъ будетъ принимать гостей панъ? Съ луговой стороны идутъ ляхи! сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

— Знаю, зачѣмъ идутъ они, вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. — Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! надѣвайте сбрую! сабли наголо! не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!

Но еще не успѣли казаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листь, усѣяли собою гору.

— Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться! сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ, въ золотой сбруѣ. — Видно, еще разъ доведется намъ погулять на славу! Натѣшься же, казацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы, пришелъ нашъ праздникъ!

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнуть очи; все перемѣшалось; но казакъ чувствуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля — валится лихой сѣдокъ съ коня; свистнетъ сабля — катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но виденъ въ толпѣ красный верхъ казацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ, вихремъ вьется грива вороного коня; какъ птица мелькаетъ онъ тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасскою саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, казакъ! гуляй, казакъ! тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотыя сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и каменья! коли, казакъ! гуляй, казакъ, но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже возлѣ хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа.

Не часъ, не другой быются ляхи и казаки; немного становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ казаки съ убитыхъ золотыя жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило

сбирается въ погоню, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Казакъ, на гибель идешь!... Мушкетъ гремитъ — и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался казакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану — лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами: — Прощай, Стецько! скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги! и затихъ. Вылетѣла казачья душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ: — Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьянехонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвится ему!

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое тѣло. — Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою: приподымись! погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко!... Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! ты посинѣлъ, какъ Черное море; сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой панъ? видно, не горячи мои слезы, не въ мочь имъ согрѣть тебя! видно, не громокъ плачь мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои? кто понесется на твоёмъ ворономъ коникѣ? громко загукаетъ и замашетъ саблею предъ казаками? Казаки, казаки, гдѣ честь и слава

ваша? Лежить честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! засыпьте мнѣ очи землею! надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобецъ на помощь.

— 38 —

X.

Удень Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылить онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и въется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ

равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, униженный спящими вѣронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, слятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею; — напрасно! нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середѣ ночи, какъ середѣ дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ, — страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгають назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроважая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбочившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватается его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливаются горячими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется о берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, при-

стающая лодка. Кто изъ казаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему не вѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ.

Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ. Не веселъ онъ, ему горька тризна, которую свершили казаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало поплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три холопа изрублены въ куски; а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ, между обгорѣлыми пнями, внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка; тихо вошелъ онъ, не скрипнувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды, и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія.

Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ, и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творить богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ, съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи: Черты его, брови, глаза, губы, — все

незнакомое ему, никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались и острые очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ... Все пропало.

— 38 —

XI.

спокой себя, моя любая сестра! говорилъ старый есаулъ Горобецъ: — сны рѣдко говорятъ правду.

— Прилягъ, сестрица! говорила молодая его невестка: — я позову старуху, ворожею; противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ*).

— Ничего не бойся! говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: — никто тебя не обидитъ.

Пасмурно, мутными глазами, глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи. «Я сама устроила себѣ погибель; я выпустила его!» Наконецъ она сказала: — Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убави-

*) Вылѣчить отъ испуга.

лось; думала, буду хоть въ тишинѣ растить на мѣсть сына... страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! сердце мое и до сихъ поръ бьется». — «Я зарублю твое дитя, Катерина!» кричалъ онъ, «если не выйдешь за меня замужъ...» и зарыдавъ, кинулась она къ колыбели, а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобецъ: — Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, притти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго казака. Богъ видитъ, говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи; — не летѣлъ ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось казацкаго народа; за то развѣ не пышна была тризна по немъ: выпустили ли хоть одного ляха живого? Успокойся же, дитя мое! никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына.

Кончивъ слова свои, старый есаулъ пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него, въ серебряной оправѣ, красную люльку и гаманъ*) съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. — По отцу пойдетъ! сказалъ старый есаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему: — еще отъ колыбели не отсталъ, а ужъ думаетъ курить люльку!

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провести ночь вмѣстѣ и, немного погодя, уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только казаки, стоявшіе насторожѣ. Вдругъ Кате-

*) Мѣшочекъ.

рина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ. — Онъ убитъ, онъ зарѣзанъ! кричала она и кинулась къ колыбели...

Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

далеко отъ Украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпами, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменные цѣпи въ Валахію и въ Седмиградскую область, и громадою стали, въ видѣ подковы, между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не зазорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимы въ воздухѣ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромодили собою землю, ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ? Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще, кое-гдѣ, отзовется какъ будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже казака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдають въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто среди ночи, — блещутъ, или не блещутъ звѣзды, — ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломи надвинуты; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены — онъ спитъ и, сонный, держитъ поводъ; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ пажъ, и также спитъ, и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? кто его знаетъ! Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взвѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: Какъ царь подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

с.... тише, баба! не стучи такъ, дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзные клещи... ухъ, какія дивныя! и горять, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ есаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой, и сынъ, кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышали. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою? — Это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только. Гляди, какъ я танцую... и, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта, звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется наземь, или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня и слезами налились ея глубокія морщины; тяжелый камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани.

Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ гор-

лицу. — А у меня монисто *) есть, паробки! сказала она наконецъ, остановившись; — а у васъ нѣтъ!.... Гдѣ мужъ мой? вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ. — О! это не такой ножъ, какой нужно. При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. — У отца моего далеко сердце; онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ *) огнѣ. Что же не идетъ отецъ мой? развѣ онъ не знаетъ, что пора заколотъ его? Видно, онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла... и, не докончивъ, чудно засмѣялась. — Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живого погребли.... Какой смѣхъ забиралъ меня!.... Слушайте, слушайте! и, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Біжить воздѣхъ кривавенький:
У тѣмъ возку казакъ лежитъ,
Постріляный, порубаный,
Въ правій руцѣ дрітѣхъ держить,
Съ того дрѣту кривцѣ біжить;
Біжить рѣка кривавая;
Надъ рѣчкою яворъ стоить,
Надъ яворомъ вѣронъ крѣче.
За казакѣмъ мати плаче.
Не плачь, мати, не журися!
Бо же твій сынъ оженився.
Та взявъ жінку паняночку.
Въ чистімъ полі земляночку,
И безъ двѣрець, безъ окѣнецъ
Та вже пісні вийшовъ кѣнецъ.
Танцѣвала рыба зъ ракомъ....
А кто мене не полюбить, трясця ёго матірѣ!

Такъ перемѣшивались у нея всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слы-

*) Бусы.

**) Адскій.

шать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до позняго вечера бродить по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плеча; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе

листья шумятъ подъ ногами ея, — ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяца, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются

и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой кропивѣ; изъ Днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ! уста ея — ледъ, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ, де, воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бурубольшемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила. Рассказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что говорилъ гость; напоследокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина слушала и не спускала съ него очей.

— Она отойдетъ! думали хлопцы, глядя на нее: — этотъ гость выѣдитъ ее! она уже слушаетъ, какъ разумная!

Гость началъ рассказывать между тѣмъ, какъ панъ

Данило, въ часть откровенной бесѣды, сказалъ ему: «Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...»

Страшно вонзила въ него очи Катерина. — А! вскрикнула она: это онъ! это отецъ! и кинулась на него съ ножомъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ вырвалъ, замахнулся, — совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся казаки кинулись было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропасть изъ виду.

XIV.

а Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

— А то что такое? допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

— То Карпатскія горы! говорили старые люди; — межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходить снѣгъ, а тучи пристають и ночуютъ тамъ.

Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человекъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи.

Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ взглянувъ въ чуднаго рыцаря,

узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незванное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣстъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Уже онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ среди дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и — чудо, засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волосы на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинные вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ.

XV.

диноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и досчатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрывъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человекъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человека. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

— Отецъ, молись! молись! закричалъ онъ отчаянно: — молись о погибшей душѣ! и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и, въ ужасѣ, отступилъ назадъ и выронилъ книгу: — Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! нѣтъ тебѣ помилованія! бѣги отсюда! не могу молиться о тебѣ!

— Нѣтъ? закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ..

— Гляди: святыя буквы на книгѣ налились кровью... Еще никогда въ мірѣ не было такого грѣшника!

— Отецъ! ты смѣешься надо мною!

— Иди, окаянный грѣшникъ! не смѣюся я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человеку съ тобою вмѣстѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори... я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!..

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ — и убилъ святого схимника.

Что-то тяжело застонало, и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными ногтями: затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумить, въ головѣ шумить, какъ будто отъ хмеля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо

въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная для чего. Ёдетъ онъ уже день, другой, а Канева всё нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться; но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и чрезъ день показался городъ; но не Кіевъ, а Галичъ, городъ, еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ венгровъ. Не зная, что дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что ёдетъ въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ къ свѣтѣ разсказать, что было на душѣ у колдуна; а если бъ онъ заглянулъ и увидѣлъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ, и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все несея и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величїи всадникъ... Онъ силится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и вдругъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему кол-

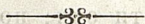
дуна и засмѣялся. Какъ громъ, рассыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то, сильный, влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами, и увидѣлъ поднимавшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли Галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться отъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ, и Седмиградскую и Турецкую земли. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ того трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страшащійся проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца

до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ, и трясеть землю.

XVI.

 въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца-бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ*). Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетманщину, за Сагайдачнаго и Хмельницкаго. Тогда иное было время: казачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ будто зрящій: а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ, и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди, понутивъ головы, а молодые, поднявъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

— Пойдите, сказалъ старецъ, — я вамъ запою про одно давнее дѣло. Народъ сдвинулся еще тѣснѣе, и слѣпецъ запѣлъ:

«За пана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у ляховъ) жило два казака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. — Гляди, Иванъ, все, что ни добудешь —

*) Гитара.

все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе — горе и обоимъ; когда кому добыча — пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ — другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». И правда, все, что ни доставали казаки, все дѣлили, пополамъ: угоняли ли чужой скоть, или коней — все дѣлили пополамъ.

* * *

«Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятию янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если същется смѣльчакъ и приведетъ къ нему пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. «Пойдемъ, братъ, ловить пашу!» сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали казаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

* * *

«Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. «Бравый молодецъ! сказалъ король Степанъ, и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвезти ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлил все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынести того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* * *

«Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ казакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки — они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, казакъ: по горамъ дороги опасныя!... Но у казака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не споткнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога — два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ; и конь съ казакомъ и младенцемъ полетѣли въ провалъ.

* * *

«Ухватился, однакожъ, казакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. «Боже ты мой праведный! лучше бы мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!.. Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ невинный младенецъ виновать, чтобы ему пропасть такою лютою смертию?» Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, казакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

* * *

«Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. «Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!» сказалъ Богъ. «Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!» Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и наконецъ сказалъ: «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Выходу нѣтъ — никто и не узнаетъ, что кинуту было сѣмя.

* * *

«Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро, чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую; и ѣлъ бы, какъ бѣшенный, землю и корчился бы подъ землею.

* * *

«И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его за

тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ болѣе муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить».

* * *

«Страшна казнь, выдуманная тобою, человѣче!» сказалъ Богъ: «пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ! И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донинѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растеть, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю...»

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя при сказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ, встарину случившемся дѣлѣ.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати
слѣдующія сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ,

ВЪ НАРОДНОМЪ ИЗДАНІИ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

В. В. ДУМНОВА,

ПОДЪ ФИРМОЮ

НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ,

ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, противъ Златоустинскаго пер., домъ Обидиной:

1. Ночь.
2. Сорочинская ярмарка.
3. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.
4. Майская ночь или утопленица.
5. Пропавшая грамота.
6. Ночь предъ Рождествомъ.
7. Коляска.
8. Тарасъ Бульба.
9. Вій.
10. Шинель.
11. Женитьба, совершенно невѣроятное
событіе.
12. Заколдованное мѣсто.

